

Юрий ГУДУМАК

Юрий Гудумак родился в 1964 году в селе Яблони Глодянского района Молдавии. Окончил геолого-географический факультет Одесского университета, работал в Институте экологии и географии Академии наук Молдавии. Автор семи поэтических книг. Лауреат премии Союза писателей Молдовы (2012). Стихи публиковались в литературных изданиях «Дети Ра», «Новая Юность», «Новый берег», «НЛО», «Воздух», «Волга», «TextOnly», «Цирк “Олимп” + TV», «Артикуляция» и др., в ряде поэтических антологий, а также переводились на английский и румынский языки.

НАЧАЛО РАЗЛИЧИЙ

Начало различий

И неявно, и явно,
перемена во времени связана с протяженностью,
измеряемой далью и близью, различными степенями их, —
и всего лишь исходя из наипростейшей посылки,
что время воспринимается
между двумя последовательными точками,
через которые проходит движущееся тело.
Надо, однако, сказать —
движущееся в смысле не обязательно механическом.
Ибо в пределе можно сказать: достаточно посмотреть,
как оно изменилось.

Для наилучшего осуществления этого
необходимы три вещи:
то, что нами движет,
то, с помощью чего оно передвигается,
и само передвигаемое.

Но, оказывается,
насколько же более это так, когда невозможно,
кроме как в результате только что сказанного,
понять, каким образом само передвигаемое
принимает форму синтаксиса!

Соответственно —
то, с помощью чего оно передвигается,
сводится к равнодействующей двигательных органов,
главный из которых, безусловно, дыхательный.
Между тем как в дыхании
что-то и вправду имеется от хромого ямба,
или того, что нами движет, уподобляющегося ему:
уподобляющегося ему никоим образом не иначе,
как внимая ударам сердца.

Повод слишком благоприятный,
чтобы не увидеть здесь аналогию

с неартикулированным пением птицы-фантома,
похожим на соловьиный озноб – тем более выраженный,
чем более нереальный.

Помещенный в пространство
пятнадцати дней и ночей, когда холмы покрываются зеленью,
соловьиный озноб кое-как еще трансформируется
в переливы и трели южного соловья.

Который, однако, далее
так изменяет голос,
что неопытному его не узнать.
Не случайно в Италии во весь остальной период
он зовется другим, отличным от прежнего, именем.

Какое крылатое существо из него получается,
не удавалось видеть еще никому.

И лишь время от времени,
будто желая подтвердить миру тождество,
птица-фантом повторяет один какой-нибудь звук,
в треске которого можно расслышать
эти мои слова.

Начало различий
может выглядеть так,
или примерно так, или, если все говорить,
в силу связанности порядком изложения, –
быть подобным, как у китайцев, кончику осенней паутинки.

...Полноты ради, присовокупим –
сотканной из росы,
как вывернутый наизнанку мозг паука,
умирающего с глазами, пораженными водянкой,
и не смыкая век, как рыба,
потому что у нее их нет.

На самом деле
начало различий
не в состоянии соответствовать строгости понятия.
Настолько – что, за крайне малыми исключениями,
спасти положение может – не более и не менее как –
применение поэтической техники.

Оно же
(мы лишь потом начнем понимать, почему) –
начало различий: мгновение, сыплющееся, как песок,
семенами осенних трав, – голыми, не имеющими
летательного аппарата, как плодики кленовой летучки, –
ни паппуса, ни крыла.

Турнефор, Линней и Жюссье

С увеличением массы света,
занятого в эту пору разверсткою новых земель,
разработкою кодекса чувств (в марте явления столь же редкого,
сколь в апреле обыкновенного),
лелеемые мною планы,
возвратившись,
застать здесь по возможности раннюю флору
приобрели наконец отчетливые очертания.
Перемена произошла мгновенно.
Ее протяженность, от предела и до предела,
равнялась ста двадцати диаметрам солнца.
Ее приятности были тем более ощутимы,
чем более несносными делало все предыдущие дни
ненастье с холодом, слякотью и ветрами.

Картины хмурой весны,
пасмурных небес, долгих серых сумерек и вытянутых теней,
в тот долгий период, пока, ни в чем не ослабевая, продолжалась
полная превратностей возможность существования,
не оставили по себе никаких последствий,
кроме скоропреходящего упадка сил.
При отсутствии траты времени
на передвижение с места на место
теперь я мог положиться на не имеющие
точной календарной привязки успехи растительности —
на весеннее растение-анемон (что означает «вздых»),
которому если и предстоит погибнуть, то не замерзнув,
а задохнувшись от ветра.

Зеленошерстные мхи.

Лишайники-камнежители,
похожие на окременевшие цветы.

Там, где почва была оголена или только прикрыта
жидкими кустиками злаковых высотой в дюйм или иных
проницаемых светом произведений
прозябаемого царства,
ее поверхность обнаруживала изобилующую
раковинами моллюсков и косточками плодовых
гумусовую подстилку, хорошо удобренную останками
осенней энтомологической фауны,
размельченную окаменелым дождем
и взрыхленную теплым зефиром.
А еще — обломки домашней утвари,
глиняные черепки... —
включения, позволяющие предположить,
что на холмах и по берегам водоема Камболи
обитало более постоянное население, нежели я (или ты),
но с меня пока было достаточно прелести новизны,

наполняющей зрителя чувством, будто он заглянул
в отверстые небеса.

Щепотка нежных ростков крапивы,
приобретающих в эту пору в здешнем краю
не менее нежное имя урз~~и~~ки,
была настолько питательна,
что ею мог пробавляться кое-какой невзыскательный люд.
Долгожданная веточка дикой петрушки служила ему
лекарством, в каковом он имел прибежище
от внутренних напад и страданий сердца.
И желтый лютик, что бы из этого там ни вышло,
поставлял ему яд, от которого удобно умереть можно.
Чета влюбленных могла найти здесь
сентиментальную незабудку,
а ромашка – «любит-не-любит» – будущим невестам
благополучное обещала совершение брака.

Перечисление многообразия растений
само по себе могло бы занять целый том,
а собрание их описаний составило бы другой,
во сто крат объемистее.

Мне они показались
менее определяемыми в эту пору
и, поэтому, менее поддающимися классификации,
чем их описывают Турнефор, Линней и Жюссье*,
к описаниям которых мне, плохому ботанику,
прибавлять ничего не приходится.

Разве лишь то, что по мере выхода
из своего низкорослого, почти альпийского, габитуса
стебель их становился выше,
а цветы крупнее и ярче.

Я не могу
лучшим образом засвидетельствовать мое доверие
к этим фамильным развалинам с остатками фруктового сада,
как сделав их хранителем нашей тайны.

*«В царстве прозябаемом
три Систематика: Турнефор, Линней и Жюссье,
сияют как три великие светила.
Прочие более либо менее
озаряют таинства Природы,
заимствуя свет свой от лучей сих Гениев.
Усиливающиеся же блистать одним светом собственным,
и сами ходят во мраке, и других во мрак погружают».

Параллельное пение У-унг

Лишь только деревья окутались линияло-белым
благовонным туманом распускающихся цветов,
наступившее было относительное затишье,
беспрестанно и неусыпно
страшавшее бурями равноденствия,
сменилось ветрами, дующими в период цветения,
действующими на манер
экзотических невидимых опылителей
и обнаруживающих, особенно по ночам,
повадки индийских летучих мышей, гавайских грызунов,
лемуров Мадагаскара.
Но вспомни, что я сказал:
изменчив, как ветер весной.

И хотя упругость воздуха
изменялась сообразно его густоте,
возраставшей с атмосферными токами
на пол-облачка перламутровых испарений,
молекулу цветущего фикуса, кристаллик ванили,
в нем не было уже ничего от упругости,
облегчавшей дыхание.

А вдобавок –
к его составу примешивалось,
как выяснилось очень скоро, мерцающее тельце
вполне тропической инфузории,
случающейся причиной
перемежающихся и иных лихорадок,
чьи горячечные образы не нуждаются в том,
чтобы, баснословия ради,
переносить их за океан.

Поэтическое влияние местного климата –
что-нибудь в этом роде.
Четыре сезона года
сообщают ему – о, да –
размер необъятности:
от этой декады середины апреля
с ее татуированным языком, птичьим сердцем,
двумя породами бабочек – горькой и сладкой –
и высокой водой, отдающей вкусом осклизлой рыбы, –
до времени, когда я найду множество перемен
против того, что вижу теперь,
но ни одной к лучшему.

Так что не остается далее ничего,
как только сказать:
какая ни есть, а возможность
обобщить прошлое до такой степени,
чтобы предсказывать будущее.

Заткнув перо себе за ухо,

прикусив язык, я делаю это,
что твой истукан на краю земли, –
не имея иных путеводителей,
кроме звезд и песен камбольских лягушек,
закладывающих слух непрерывающимся параллельным *У-унг*
гигантского лабиринтодонта в глубинах ночи.

Осилок лазури

Одного пятна на крыле бабочки
достаточно для того,
чтобы она составила особый вид.
Главное не то, чего ради она ждала весны,
а то, как далеко готова была зайти в таком ожидании.
Окажется ли подходящим для этой цели
будущее состояние погоды –
сухой неквашенный хлеб пустыни – место полубоморока,
в котором язык, распадаясь на горстку наречий,
сокращается до небольшого количества
глухих и неясных звуков?

Каким образом
я узнаю, что язык таков?
Подыскивая слова, которые вовремя не приходят на ум,
не разевая рта, что это всего лишь номенклатура:
лист сворачивается в куколку, куколка развивает в себе
нечто вроде функций хлорофилла.

Все неуравнительности в снабжении кровью,
все периодические явления роста, все действия сочувствия
только расширяют понятие о виде, а не уничтожают его;
что уж тогда говорить о звездообразных пучках
кожных складок – «гусиных лапках» – у края глаз
или выпцветании радужной оболочки глаза
и прибавлении седин.
Настолько амбивалентное,
что мы уже не в состоянии его различать,
оно есть фикция, слишком долго несправедливо
пользовавшаяся значением истины:

- a) лингвистическое отношение
между означающим и означаемым;
- b) истончившийся в осилок лазури
незримый погодораздел.

А ведь правда:
еще месяц тому назад
по одну его сторону шел снег,
который до нас достигал только в виде дождя.